

Владимир НАУМЕЦ

Шляпа с полями

Как на холсте
вне всяких соответствий
вне притяжения
жило лицо.

В. Хлебников

Это было время, когда, увидев милиционера, переходил на другую сторону улицы.

И каждые две недели ко мне в мастерскую на Солянку приходил оперуполномоченный. Проверять. Как я рисую. И что. Иначе — за 101 километр. Ведь из моей мастерской был виден Кремль.

Середина 80-х. Кухня на Казанском переулке. За окном глухая стена французского посольства. Пьем черный чай. По-настоящему черный. Хрущ заваривал. Курим. Помню — считал. По восемь трубок за ночь.

"Чай и табак — это вставляет", — слегка заикаясь, говорил Хрущик. Закатываем кресло на кухню. Хрущик укладывается поглубже, как в гнездо. Шляпу на глаза! Ноги на батарею. Стекло кухонной двери плотно прижималось к креслу. У Хруща цепкая память. Всё обточено. Какие-то сюжеты, которые часто повторялись. Как у него в кармане план Исторического музея. То есть всех подвалов и переходов. А в это время наверху, в залах музея, проходила выставка скифского золота. И он не мог себе простить, что этим не воспользовался.

Серьезно это или нет? Байка. Очередная. Потом следующий сюжет. Всегда интересно и неожиданно.

Как-то я ему сказал: "А у тебя все готово. Только записать — и будет книга. Как бы ты ее назвал?".

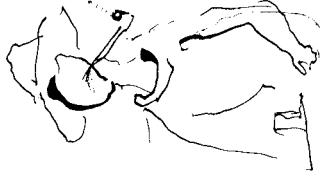
Хрущик (тут же): "Окорок, душа и анкета для заполнения".

Я вспомнил его текст в каталоге (середина 70-х): "...по профессии печник. Живу на сбережения бабушки".

В конце 70-х я сделал портрет Хрущика на Чижикова. Он очень оби-

"Я не то чтобы хотела покончить с собой, я хотела зажить и не проснуться, а раз не это не давали, я хотела плакать — такова моя жизнь в черной Москве с красными флагами"

Ириш

Такой же вопрос о названии я задал Вагану за две недели до смерти.

— "Бегемот и деньги", — сказал он.

делся. Но ничего не сказал. В ответ сделал мой, но так зашифровал знаками, что неясно, кто это.

Я б на его месте тоже обиделся.

Грязная "стэтсэновская" шляпа.

Она была хороша. Но как-то мы зашли в московскую чебуречную на Сретенке. Сначала Хрущик бросил шляпу на скользящий столик. Уходя, прихватил жирными от чебуреков пальцами. Теперь шляпа по-настоящему стала "родной".

Еще на портрете был изображен жировик на щеке. Он уже был со сливу (потом его вырезал знакомый хирург в самый последний момент).

На портрете огромную курительную трубку охватывала неуклюжая ручонка. И это при необыкновенно пластичных пальцах Хрущика.

Линялая, перепачканная краской майка, надетая наизнанку. Вечный хоолок на затылке.

И надпись по фону: "Табак утром и вечером".

Курили, меняли перепретые трубки. Все были фирменные, никакого фуфла Хрущик себе не позволял.

В перерывах — сигареты. И крепкий чай. Ворованный. Зубы табачно-чайного цвета. Когда хихикал.

Моя маленькая Дашенька:

— Папа, а Хрущик такой красивый!

— А что красивое?

— Зубы.

Она воспринимала его особенно.

— Папа, а собак в метро пускают?

— Но будут считать, что бегемот — ты.

— А мне по... (что значит все равно).

И было по нему видно, что это так. Тогда я в два дня написал его портрет.

Сверху, над головой, он оставил свою подпись по-армянски.

Мой друг учил
курить табак —
сам с дымом
улетел...

- Нет, конечно.
- А почему Хрущика пускают?
- Это время, когда собака была эталоном.
- Мама, ты такая хорошая, как морская свинка или хомяк.
- Может быть, как собака?
- Нет, собака лучше.

В 75 году Хрущик объяснил мне, как заправлять трубку табаком. Не вынимая из пакета. Чтоб не рассыпать драгоценный табак. Потом "раскобегарить". И что "от хорошего табака дым, как молоко". И что от Чижикова до бульвара — одна трубка.

Хрущик предпочитал трубки прямые, английские, крупных размеров — "с большой колбой".

Сцена на Чижикова (конец 70-х).

Двери распахнуты. Всё в состоянии постоянного ремонта. В углу мешку цемента уже пять лет. В другом — несколько кирпичей и стекла стопкой.

На стенах доски с помойки.

На них наклеены кружева.

Изящно промазаны малярной краской.

Огромное окно, разбитое на квадраты.

Под ним длинный стол.

Стаканы, черные от чая.

Рядом гнутое кресло-качалка. Для гостей. В нем сидит длинная голландка и курит маленькую голландскую трубку.

*Разрушенный дымом
пространств
счастье твое берегу
курильщик*

*Какой состав моей крови?
Золотая мозаичная пыль
на крепчайшем спирту*

*"И чего зря нарываться, когда
деньги не платят, а погода
хорошая"*

Ириш

Рядом с трагическим лицом сидит Хрущик. Он курит огромную английскую трубку. Молчат.

Объединяет только трубка.

Точнее — голландский табак.

Если отодвинуть кресло-качалку, то в полу будет дверца.

Хрущик открыл ее.

В темноте засветился унитаз.

Прямо вниз.

К нему ведут три-четыре гнилых ступеньки. И садись.

У Хрущика был свой туалет.

По-моему, дверцу в полу Хрущик открывал ключом. Весомое количество ключей, самых невообразимых, висело на цепи.

Цепь крепко приделана к джинсам и опущена в карман.

Хрущика явно при ходьбе клонило в правую сторону.

Вечная шляпа на голове.

С загнутыми полями. Или прямыми. Не шляпка. Не местное производство. Не "самопал". А лучших фирм.

"СТЭТСОН".

Если Хрущик снимал шляпу, он как бы терял половину себя.

Не только в росте.

Шляпа с полями ловила импульсы.

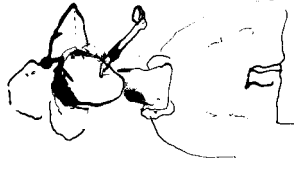
Концентрировала энергию.

На ее полях собирались биополя.

Она окуривалась трубочным дымом лучших сортов. Магических.

Архитектор ставь рыб (он есть — я знаю теперь) как архитектор облаков, цветов на полях, движущий людей, со-бытий.

Архитектор человеческой истории.

Сон на 21.1.05

...как синяя чешуя рыбы или розовые пеликаны перья, все просвечивало, мерцало.

И все можно взять и заметить на что-то другое.

Дашенька:

— Знаешь, какие слова я люблю? Пескарь.
Хрумкать пескаря.
Хрущик хрумкал пескаря.

Сейчас в левой руке у меня дымится трубка. Прямая, с медным кольцом.

По меди резаны листья. Узор не кончен. С левой стороны кольца цифры 1982, с правой — буквы ХВ.
Кольцо и резьбу сделал Хрущик.

В 82 году я купил у него эту трубку. За тридцать рублей.

Вероятно, она была продана только потому, что мундштук не вынимался из-за плотного кольца.

Конечно же, Хрущик ничего не сказал.

Прочистить ее было невозможно.

Пропорции и качество трубки были классических традиций. Англия. Я залил коньяком трубку на ночь.

Смола растворилась. Трубка ароматизировалась. И теперь обычно из нее курится табак специальный, пропитанный виски или ромом.

Как-то на Пасху я зашел на Чижикова.

Хрущ в новых домашних тапочках. На них свежие буквы. Праздничные. На правой — Х, на левой — В.

— Неужели "Христос воскрес"? — ужаснулся я.

— Нет — "Хрущ Валентин", — был ответ.

Тогда же у Хруща увидел я необыкновенной красоты портрет.

Уйти за внешний облик — тема жизни, работы. Не видеть внешне. Растворить его.

Люблю людей, за внешность которых нескончаемая литература.

Структурированное духовное тело.

Во сне: Воздух. 14 век. Кажется день шишций и ускользающей. Рана — верхушки деревьев.

Воздух двадцать первый.

Воздух середины и конца.

Воздух. 21 век. Оно.

Лестница Якова — фигуры падающие и порхающие. Как жизнь эта.

И все объединяется в это.

И они.

"Илюша, а где твой карнавальный костюм?"

Даша: "А он у него под одеждой. Разденется, а там у него костюм Адама".

Исполнен как бы двамом и мельчайшими штрихами. Нерукотворный.

Но все же рука Хрущика.

Он и объяснил, что дело в фиксативе. Его не было. Пришлось фиксировать рисунок сладким чаем.

На сладкое налипли мошки, комары, мухи...

Никто не знал. Все высохло. Прошло лето. Когда Хрущик смахнул тряпкой лишнее, остались одни лапки.

Счастье увидеть работу художника (гения) не в окончании, а в процессе.

В Лондонской национальной галерее выставлен неоконченный холст Леонардо. Умбра, кость и белила выявляют форму из общего тона.

Точно свет постепенно нарастает. Но цвета еще нет. Его и не надо. Видимо, Леонардо "раскрашивал" уже потом, когда все найдено.

Для массового зрителя.

Сама работа многое при этом теряла. Так как спускалась из духовного (светового) пространства в чувственное (цветовое).

Англичане умно выставили этот шедевр. В отделельном, затемненном зале. Он постепенно высветляется для входящего.

Входя в темноту, нужен свет.

О цвете он не думает.

Хрущ не понимал букву "Щ".

Хотя она и присутствует в его фамилии. При мне он писал записку Щукину. Написал — "счюкину". Конечно же, с маленькой буквы.

Вспоминал, что пошел в первый класс по крышам, влез в окно. И со своими папиросами.

В 1955 году директор одесской художественной школы был без гла-

"Мой стиль? Как можно описать пение птицы?"

Пикассо

Из дневника: "...какая должна быть работа — словно знак водяной на свету проступил".

"Ощущение гармонии длится не более секунды, более целостное существо выдержат не может.

Ф.М. Достоевский

Древние обладали свободой делать ошибки. Даже выбора ошибок. Например — обратная перспектива дает эту свободу. Она многозначна и допускает разные изображения одного и того же.

за и с фамилией Горб. Милейший человек. Голоса его я не слышал. Общались интеллигентно, на импульсах.

Хрущик тогда был другой.

Чистый, упитанный.

Грудь колесом, ученическая форма застегнута на две пуговицы.

Только форма, другой одежды не помню.

Иссиня-черная щетка волос.

Смутное круглое лицо.

Умные узкие глаза.

Лучшего рисовальщика не было.

Наторморг с уткой, безупречной красоты.

Точными короткими штрихами.

Нежнейшими полутонами.

Он ничему не учился.

С этим рожден. Просто появлялся. Постепенно.

В глубине его работ я всегда вижу чистоту, ясность и выверенность древнего японского искусства.

Несмотря на любую внешнюю неряшливость.

Этому научить невозможно.

Чувство композиции, которое потеряно.

Чувство формы нездешнее.

Кем он был в преддверии жизни?

Два-три замаха стамеской.

Где-то потерял цветным мелком.

Что-то пропитано акварелькой.

*Сон на 28.02.05 (о жизни)
...или спектакль пробол-
жается, или действие повтор-
ное, но спектакль.*

*В натянутой струне вся но-
та жизни — ДЯ. (Не соль)*

19.1.02.

*— Что я могу сказать? Толь-
ко то, что ничего сказать не
могу. Поэтому изображаю.
Смотрите — и каждый увидит
то, что увидит.*

*Дашенька: "Как хорошо, что
пальцы на ногах показывают
направление".*

<p>Прочаровано шариковой ручкой. Из помоечного обломка какой-то старой мебели — живая рыбка. Просто обманка. Такую не раз хватали, чтоб закусить. Как-то в Москве мы зашли в храм Иоанна Воина поставить свечку. Хрущик замер перед Распятием. Приложил шляпу к груди. Почти не дышит. Я подошел и увидел замечательной резьбы Распятие. Неракрашенное. Из ценного дерева. Цельное. Глазами Хруща я проследил каждый поворот стамески. Мастерская работа. Выйдя из храма, Хрущ точно определил, за какое время он сделает такое же.</p>	<p><i>60е-70е-80е годы.</i> <i>Ушло святое поколение людей "на троих".</i></p> <p><i>10.1.2000</i> <i>В этуху сверхделовых и каврырных людей есть особое достоинство оставаться самим собою.</i></p>
<p>Такое же. В журнале "Аполлон" за октябрь 74 года перечислены семь духов, помогающих иконописцу в работе. Седьмой — дух Святого страха — напоминает, что ты ничего не можешь (от себя).</p>	<p><i>Сон на 12.7.01</i> <i>"...изображение дыхания важнее самого художника".</i></p> <p><i>Дневник 13.11.95</i> <i>"...что-то успокоилось, что-то завершилось, что-то прояснилось (после удара лицом о мраморную доску стола); что-то произошло, ушел какой-то страх".</i></p>
<p>Тут же, неподалеку от храма, был антикварный. Хрущик не упустил случая туда зайти. Он знал толк в старье. Не знал, а чувствовал. С порога он попросил две наполеоновские вазы. По 10 тысяч каждая (это притом, что в кармане нет и на пачку сигарет). Не смущаясь, со знанием дела, Хрущик рассматривал фирменные знаки. Продавец покрывался потом, когда он их переворачивал, вертел</p>	<p><i>Как работать?</i> <i>Или, как сказал знакомый:</i> <i>"Надо рубить фишку — пил скрушает или же пил не скрушает".</i></p>

так и сяз, стучал пальцем, прислушиваясь к звону. Заикаясь, Хрущик узнавал, сколько еще таких ваз и сколько еще они будут в продаже. Указывал на трещинку. Другую вазу просил оставить за собой.

Приподнимал шляпу. И мы уходили.

Хрущик знал много фирменных знаков. Старинных. И придавал им огромное значение. Старался коллекционировать. Школу он прошел еще на Староконом. Потом он не пропуская ни одного антикварного.

Как-то я показал ему свои рисунки на металле. Серия разных типов. Из сумасшедшего дома.

Всё с натуры. Документ.

Сразу же вопрос: "Какими резцами?"

— Голландскими, — соврал я. — Клеймо — обезьянка в короне.

Хрущик задумался. Такого клейма он не знал.

Не сказал ни слова.

А самодельные резцы были куплены с рук в Строгановке.

Как-то отвечал на вопрос о том, как я работаю, одному искусствоведу (в штатском).

"Вылью полбутылки портвейна — остальное — на холст. Покурю — посыплю сверху пеллом из трубки. Окурком проведу пару линий. Потом все закрепляю лаком для волос "Прелесть".

Личка Орлова добрый ангел и друг московских неформальных художников, многих спасла в 70-80-е годы.

Работая в издательстве "Искусство", она обеспечивала работой и их.

Но в какой-то момент она увлеклась.

И забыла, что сама художник.

Сон на 21.9.01 5 утра

Такой текст:

"Первые рано открывают глаза и видят, как они живут.

Вторые поздно открывают глаза и видят, как они мертва.

Третьи вообще не открывают глаз, потому что они не спят вообще".

Вот больница, а рядом магазин. Я захожу в теплый, наполненный дымом и разговорами магазин.

А внутри меня прожигаютчая мысль. Что мне надо не сюда, а в больницу. Но я не иду, потому что там нет людей, знающих расположение звезд. К звездам ближе люди у магазина. На скамейках. Но будущего здесь нет. Здесь хорошо мне известное прошлое. Этот запах масляной краски, смешанный с запахом коньяка.

Баранки с солью в московском подвале хрустят, как уголь по холсту. Всё идет на прорыв.

Решила посетить свою мастерскую.

Отрывает с трепетом.

Видит — кто-то лежит. Мягкий.

В невообразимом прикиде.

Быстро вскакивает.

Изогнувшись, галантно целует ручку Лиечке.

И высоким голоском: "Х-Х-Хрущик!".

Что это? Условный знак или ключевое слово? Она не поняла.

Она не была в Одессе.

Но запомнила.

После каких-то праздников я был несколько возбужден. Но денег не было. Проходили мы с Хрущиком около памятника. Димитров. Нога вперед. Рука вперед. С кулаком.

Хрущик от кулака в восторге.

Останавливает московскую девицу и интимно-полупешелотом: "А что у него в кулаке?".

Но возбуждение не проходило.

И надо было его загасить.

Хрущ все понял.

И повез в метро непонятым маршрутом.

Временами доставал массивную связку ключей. Перебирал.

Спальный московский район.

Многоэтажки. Темно.

Куда-то входили.

И сквозь один план просвечивает другой.

Сквозь магазин — больница.

Сквозь больницу — храм.

Помню — вот я снимаю со стены мастерской большую икону Богородицы Тихвинской — и за окном забыли колокола.

В скомканность ворвалась чистота.

Я воспринимал все, сей миг происходящее, так, как будто это уже давно произошло.

После концерта никто не встает и не благодарит скрипку (которая сыграла, т. е. инструмент)

И на какой-то этаж.
Хрущик ловко открывал замки.
Видно, что место ему знакомо.
Одна стена — золотая черепица икон.
За дверцей стеклянного шкафа — набор бутылок.
Хрущик наливал из лучших.
Особенно коньяк.
Себе ни капли.
— И ты что, уже никогда?
— Нет — если только выбор — пегля или стакан.
Сереза Ануфриев однажды имел неосторожность, когда говорил о многогранности души человеческой.
Он сказал (27.6.86): "Человек как граненый стакан, светится то одна грань, то другая. Мерзает то внутренняя, то внешняя. Граней много и они разные".
Хрущик: "А я как старый алкоголик интересуюсь только тем, что внутри стакана, и мне наплевать, какие грани при этом светятся.
Главное — чем стакан наполнен".
Это как почтальон. Неважно, в какую одежду он одет и на каком велосипеде приехал. Важно — какую почту он принес.
В 87 году я сделал не менее трех портретов. Хрущика. Возможно, и больше. Но в дневнике зафиксировал три.
2 ноября — на большом оргалите маслом. Парадный. Поколенный.
Шляпа прямая. Трубка.
Дым. Как после битвы полководец.

Как Ляечку, ерейку, держали в московском издательстве столько лет — непонятно.

Ведь это было время, когда партработники говорили о картинах М. Шагала: "Еречи, да еще летают".

Семейные невзгоды бывают тогда, когда есть семья, — и это счастье.

Творческие мучения тогда, когда есть творчество, — и это счастье.

Житейские страдания — когда есть жизнь. А это великое счастье.

Семейные невзгоды бывают тогда, когда есть семья, и это счастье.

Но спокойный. Царский.

А 24 декабря еще два Хруща.

Один — небольшой. Меловая бумага. Акварель.

Другой побольше. Красная сангина. Соус черный. Гуашь. На коричневом картоне.

На них редкий вариант Хруща.

В ночном коллаже, высоким, точно у кавказских пастухов. Шерстяном и рваном. В этом коллаже он спал на столлярном станке в ЖСК.

Старенький свитерок с выгнутым воротом. Во рту редкая для Хруща гнутая трубка. Впервые. Жизнь прогнула.

Тоска-печаль всего облика.

Огромная усталость. Бездомность.

Этот портрет сконцентрировал в себе все предыдущие. Всех периодов и состояний. В этом облике Хруща они мелькают мгновенными кадрами, собираясь в один.

Рембрандт. Если бы получилось.

Если мы начинали с Хрущиком ходить по мусорникам и грустными глазами рассматривать хлам — значит, скоро предстоит совместная работа. Внутренний зов. Настало время разбрасывать камни.

Мастерская Васи Рябенко великодушно до утра.

Куски оргалита, картоны от ящиков, столешницы, дверцы тумбочек и прочая, прочая.

Подходила в работу почти любая поверхность.

Музыка на полную катушку.

Дешевый портвейн. Хрущик — чифирь.

Творческие мучения тогда, когда есть творчество — и это счастье.

Житейские страдания — когда есть жизнь. А это великое счастье.

"Пока живешь, будь мертвым, совершенно мертвым, а затем поступиай как хочешь, потому что тогда все в порядке".

Лао Цзы

9.9.94.

Когда птица летит — ее нет нигде.

Когда птица летит — она везде.

(Думаю — это разное восприятие мира Востоком и Западом.)

Когда падали сумерки, началось действие.

Бралась дверца.

Один из нас делал мазок.

Лучше неожиданный. Невразумительный.

Предоставлял ход другому.

И ответ еще более неожиданный.

Ты так. А я вот так. Нишак.

Игра сложнее шахмат.

Но проще, чем перетягивание каната.

Каждую секунду в голове миллион вариантов. Только выбери.

Лучше такой, какой не ждал ни он, ни ты.

Особенно приятно мазнуть поверх неудачного. Своего или не своего.

Хрясь! — и все разрушить.

По стенам течет краска, лицо в брызгах. Начинаешь пальцами выв-
лять пятно.

И вдруг неожиданно какой-то закорючкой объединять. На разру-
шенном построить новое.

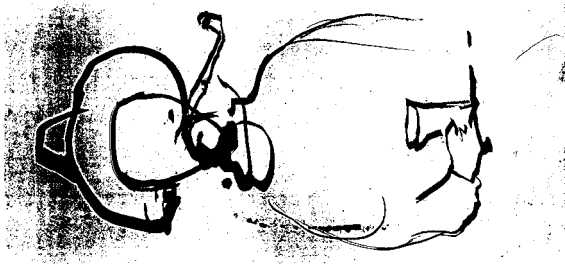
Разрушить холст и в три мазка построить новый.

А так как критерии и оценки у нас были одинаковы, то лучшие мес-
та мы оставляли. Делать ход только по неудачному. И без обид.

С молчаливого согласия.

Только так вся плоскость действий может прийти к логическому за-
вершению. К гармонии.

Необъяснимой. Прочувствованной внутренне.

Помню, одна работа явно не получалась. Не находилось решение. Мы понимали оба, но не обменялись ни словом. Вообще, за всю ночь не более трех слов. Понимая, что с этой плоскостью нам не справиться, пишем крупными буквами по всему полю: **ВСЁ ЭТО ЭСТЭТСТВО**. И это оказалось окончательным решением задачи. Работа получилась. Состоялась.

Потом шедевры подписывались. Каждый с той стороны, какая больше нравится.

Хрущик заикался: "Все мы х-х-художники. Только один ч-ч-член, а другой не член".

И когда члены правления расселись в автобусе куда-то ехать, и фер высунулся с криком: "Так куда едем?" — Хрущик всех оглядел и ответил: "В газовую камеру".

Хрущик был непрост на подъем.
Чтоб куда-то ехать.

Сколько раз слышал, как провозжали его на вокзале.

Хрущик со всеми обнялся. Расцеловался. Вошел в вагон. Прошел насквозь.

И вышел через другую дверь.
Смешался с толпой.

Все машут вслед уходящему вагону.

"Праздность — сестра таланта".

Надпись в мастерской

В Турции приснилась фраза:

"Жизнь — это десятки тысяч лет, перевернувшиеся в нас жизнью".

Рассказ В. Немухина

"Они там (в Париже) работают, чтоб получить удовольствие, и покупают их поэтов."

Как-то уговорил он меня ехать с ним в Молдавию. Его приглашали оформить охотничий дом.

Резать по дереву для начальства.

Он почему-то никак не мог собраться.

Не мог один.

И мы даже взяли билеты.

За час до отхода поезда Хрущик шпугатурил стену. Потом строгал доску.

За двадцать минут до отхода поезда стал ставить чайник. Расставлять чашки.

Он явно не понимал время.

Или не хотел.

Но билеты куплены.

И я стою с вещами на выход.

Пришлось в последний момент вскочить в тамбур.

Чтобы перекурить.

У небольшого озера рядом с охотничьим домом мы забили по трубке. Молдавия.

И тут Хрущик приметил у воды двух смуглых девиц.

Они стояли невдалеке и сушили длинные волосы.

Глаза у Хрущика загорелись, и он раскурил трубку.

Надел шляпу.

Потом штаны. И заправил цепь.

Майку швырнул в сторону.

Выпячивая грудь как-то петушком, стал укорачивать расстояние.

Между ним и девицами.

Разве Н. Ге или Саврасов по-лучали удовольствие? Или Хайн Сутин?

В Париже художников нет — один рынок.

Реклама, выставки, аукционы — это другое. Это мимо.

Хемингуэй уеидел (в квартале, где жил Брак) ассенизатора и пивную и понял — отсюда родился кубизм".

"Разглядывание часов — приятный способ убить время".

И. Бродский

Когда поравнялся — девицы оказались на голову выше.

Они смотрели сверху на шляпу и хихикали.

Хрущик доверительным тоном им что-то шептал.

Они стали хохотать.

Хрущик показал массивную связку ключей, которые тяжелой цепью свисали с его тощого и жилистого тела.

Девицы уже плакали от смеха.

Хрущик развернулся.

Медленно подошел ко мне.

— Поехали отсюда.

И мы уехали из Молдавии.

Одно время у меня была мастерская на Войковской. Две пустые комнаты. Высокие. Тихие.

На стенах сохнут трехметровые холсты.

Все горизонтальные — "Тело на камнях".

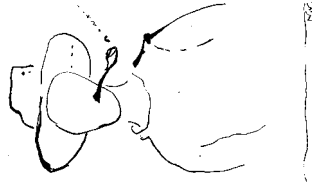
Все вертикальные — "Распятые".

Приезжала туда Рита с маленькой Юлей. Внимательно рассматривали этот экспрессионизм без границ.

Тогда я открывал банку краски масляной. Переворачивал ее на холст, который на полу. И возил по нему, пока краска не кончится. Открывал следующую.

— Ну, как тебе? — спросил Рита Юлю.

— Мошняк, — ответила маленькая Юля и чуть было не заплакала.

Вдруг понимаешь всю абсурдность происходящего, и свое участие, и свою вину в этой абсурдности.

Стараешься как можно меньше принимать в ней участие.

"Жить так, как будто ты умер".

Потом, отстраняясь, чувствуешь силу и мудрость происходящего.

Высший Промысел.

То, чего не достигнут нашему разумению и принимается за абсурдность.

(Я еще по Одессе запомнил ее замечательный объект с деревянным бруском и подписью "ЮЛЯЖ".)

Перед моим отъездом в Одессу Хрущик предложил присоединить ключи от этой мастерской к его могучей связке.

Что я и сделал.

В тайной надежде — Хрущик будет работать, выйдет на размер, найдет свою тему. А то все какие-то рыбки, кайфики.

И все чемоданного размера.

Материалы есть. Тихо. Светло.

Полы свободны. Соседей нет.

Но через месяц я нашел только пару угольных почеркушек и пепельницу. Переполненную. Не только окурками.

Тяжелыми размышлениями.

Все непросто.

Это не выход из метро. С указателями.

Направо — "выход на тему".

Налево — "выход на размер".

Не станешь же рисовать рыбку в 3 метра? А почему бы и нет?

Смотря как.

А как?

Как-то в конце 70-х была квартирная выставка.

У Хрущика на Чижикова.

Я по всем стенам развесил много маленьких ярких работ.

Красное с зеленым, синим, белым и желтым.

Все на дощечках.

И все разделились на зрителей и участников действия на этой арене.

Но — зритель тоже участник.

Он — анализ того, что на сцене.

Но он тоже кукла на нитках.

Иногда кто-то рвет эти нитки, пытаясь быть свободным, и превращается в груду обломков.

— О чем думает пыль, когда ее стирают с поверхности?

"Помни обо мне", — шепчет пыль.

*Оден
Так и мы, когда стирают
с поверхности мира этого*

Блестят. Передиваются.

Написаны на густом лаке.

— Сплошное лакомство, — сказала мне тогда Любочка Ястреб.

Умела определить точно.

В двух словах.

Но этого достаточно.

Я тут же забросил это сладкое дело.

Но попробовать было надо.

По длинному коридору ЖСК шла женщина преклонных лет со внешностью современной ведьмы.

От нее исходили резкие нездешние звуки. Позывные. Как спутник в космосе.

Но сама она их не слышала.

Звуки издавал ее слуховой аппарат.

В руках длинный металлический штырь. Он выдвигался. Легко вертелся по сторонам. Это Альвика вышла проверить ауру помещения.

Астральное тело коридора.

Немного раньше я делал рисунки на репинские темы. Целую серию.

"Астральное тело бурлаков"

"Астральное тело Волги"

Видимо, что-то висело в воздухе.

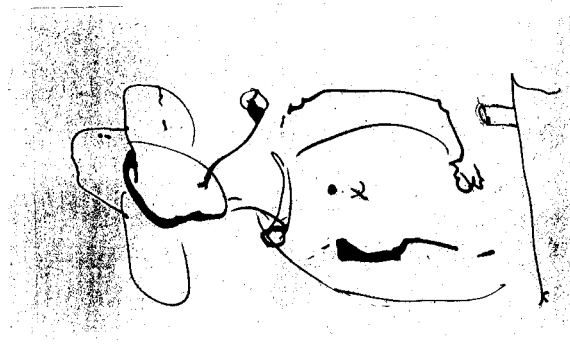
Однажды Хрущик проснулся в поту. Темно. Над ним стоит Альвика.

А перед лицом Хрущика качается и мерцает длинный железный палец.

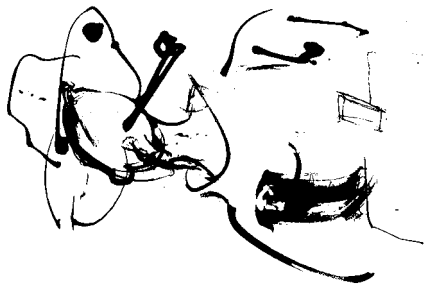
Альвика проверяла ауру Хруща.

"...он рисовал так, как после войны инвалиды рисовали в электричках".

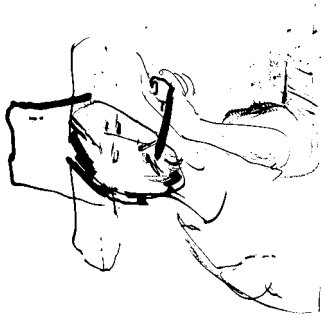
Из разговора с Л.

Но он был неуловим.
Стрелка прыгала то в минус, то в плюс, издавая космические сигналы.
Альвика удалилась.
Этим прибором и таким же манером она проверяла все работы Хрущика.
Перед тем как их купить.
И собрала уже много.
Вся отдельная комната в ЖСК была увешана Хрущем.
В рамках. Под стеклом.
Все желющие и платежеспособные приходили посмотреть.
На то, что поправились, указывали пальцем. Пока Альвики не было.
Хрущик тут же доставал работу из-под стекла.
Мгновенно делал копию.
Приблизительную. Похоже, но только издали.
Копию он вставлял в стекло.
Постепенно вся комната была скопирована. Точней — вся коллекция.
Альвика не замечала.
При проверке аура оставалась той же.
В оригинале остался лишь портрет самой Альвики. Изумительного мастерства. Такой не подделать.
Но после проверки ауры самого Хрущика он перешел спать в столярку.
Спал на столярном станке, завернувшись в тулупчик.
Весь в стружках приходил ко мне пить чай. Только перейти дорогу.
Напившись, садился к телефону.
Со всеми, с кем он разговаривал, обязательно договаривался о встрече.

Сегодня. Сейчас. И звонил следующему.
Тоже договаривался.
В другом месте. В другое время.
Не сегодня.
Договорившись со всеми, оставлял телефон в покое.
И мы спокойно заваривали чай.
Кастрюлю овсянки.
Доставали табак. Книги.
И до утра.
А если Хрущик уходил, то обычно к тому, с кем не договаривался.
Спонтанно. Как в голову придет.
Делал ход неожиданный.
Всех рассыпал вокруг.
Всё разрушал. Все связи.
Потом неожиданным, но гениальным ходом все объединял.
Как в живописи.
Не делал ходов, которые ожидали.
Просчитывали.
Поэтому Хрущик непредсказуем.
Неуловим.
Разве можно его представить с книжкой-календарем, расписанным по дням и часам?
Хрущ — птица вольная.
Мир его ловил, ловил и не поймал.
Хрущ ему назначил встречу, а сам ушел в другую сторону.

Сейчас мир таков, что каждого можно просчитать.
Или каждый себя просчитал и все свои последующие ходы.
Вольная птица редкость.
Птиц, отработавших траекторию своего полета. А не в ежедневной борьбе за рыбку голову.
Свобода дорого стоит. И платить нужно собой.

Хрущик обожал женщин.
Всех. Начиная с бабушки.
Она для него как Арина Родионовна и Анна Керн.
В одном лице.
А сам Хрущик для Одессы как Пушкин в иной ипостаси. Изобразительной. Пластической.
Постоянно при первом взгляде на его работу хочется воскликнуть:
— Ай да Хрущик, ай да сукин сын!
Камер-юнкер Хрущик на балу у графа Воронцова.
Нет. Хрущик свободнее. Отвязнее.
Ему, признанному баловню Одессы, надо.....
Как Бенвенуто Челлини. Флоренция. Любимому неразумному сыну.
Например — памятник-шляпа.
Из суперслава, как космический корабль.
Как летающая тарелка.
Главное — передать чувство, что вот-вот она внезапно оторвется и улетит.
Передать оторванность.

Как понимать?

Почему "Окорок, душа и анкета для заполнения"?

Окорок — несмотря на то, что Хрущик так внимательно относился к своей внешности.

К одежде. К телу.

Окорок — просто кусок мяса, прокопченный дымом. Из трубки.

Просто оболочка, которую требовалось приукрасить. Сохранять в порядке.

По мере сил и возможности. А внутри — душа.

Их Хрущик разделяет.

Оболочка (окорок) и душа (нечто противоположное оболочке).

И — анкета для заполнения.

Анкета это тот мир наш, где все расписаны и пронумерованы.

То, что Хрущик ненавидел и от чего убежал.

Анкета — это система.

Это конец свободы.

И между окороком и анкетой только душа свободна.

А вообще, Хрущик нездешний.

Помню его любимый анекдот.

Двое бандитов, достав ножи, стоят на дороге и спорят, луна в небе или месяц. Решили спросить у прохожего. Тот, смекнув ситуацию:

— Ребята, я не местный.

Это его позиция. Просто никто.

Просто выбежал написать.

По паспорту Хрущик был прописан в доме, который 15 лет как снесли. Хрущик пытался делать и мои портреты. Но не мог справиться с натурой. Не понимал. Редкой вверх или редкой вниз. Получалось слашаю.

Приукрашено и омоложено.

Преподносил в виде комплимента.

Раз Хрущик долго бился над моим неуловимым обликом.

Веер всевозможных поворотов.

Листы разбросал по полу.

Стали обсуждать.

Из соседней комнаты выбегает трехлетний Илошка.

Начинает по рисункам бегать.

Туда-обратно. Как челнок.

Уголь на листах не зафиксирован.

И рисунки покрываются крошечными пальчиками и пятками.

Всё. Теперь можно фиксировать.

"Хрущик, — ты гений", — думаю я.

Как Хрущ писал женщин!

Обнаженное тело. Как он его чувствовал!

Дашенька про ненарисованную картину:

"В левом углу маленькое пятно. Слова. Если провести параллель — образуется кубизм Матисса.

Ритм сечения неукротим.

Выстраиваем круг вдоль нижнего бортика. Образуется нечто. Бегущая фасоль (фа-соль) в перпендикуляре. Когда стареешь, тогда не получается. Лучше свесить ножки в басейн — вот и параллель. Заключаем — что все диагонально к праотцам реализма".

В моих портретах качества были противоложные.

Вот я пишу женский портрет. Актриса театра Гоголя или московская поэтесса.

Стараюсь по красивой. По-моложе.

Результат один. Все говорят:

— Похоже, но ей еще лет семь погулять надо. Или десять. Тогда будет самый раз.

Чем больше вывернет, тем сексуальнее получится.

Он его знал. Изучал. Понимал.

Не думаю, что он рисовал с манекена, лежащего у него в мастерской на Пушкинской в позе Венеры Джорджоне.

Вот мы в две руки пишем "Кающаяся Магдалина".

Хрущик вывернул грудь Магдалины так, что я ничего не мог дополнить.

Но я написал Христа, и он не тронул.

Забавная картинка получилась.

Грудь Магдалины размером со все Распятие.

— Да, Мемлинг, Мемлонг, — как-то особенно задумчиво произносил Хрущ.

И глаза его приобрели такое выражение, как будто он смотрел вглубь себя.

И мне вдруг стало ясно, что во многих работах Хрущика присутствует Мемлинг. Его утонченность и "изошренность".

В 88-м году Ириш уговорила меня сделать выставку.

Натворил много. Разного.

Пора показать. Открыть лицо людям.

Альвика предоставляла две комнаты в ЖСК. За картинку.

Нежилое помещение.

Канторская атмосфера.

Позывные Альвики.

И кто сюда пойдет?

Но помещение не отслеживалось КГБ.

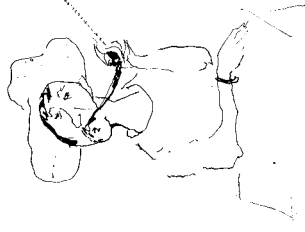
И это был центр Москвы.

*Ты узнаёшь счастье, когда
видишь его воплощенным?*

*Тогда ты счастливый
человек.*

*"Грустно, когда позвоночник
растягивается лишь на кресте".
Е. Лец*

*Но каждый человек несет
свой крест. Обязан нести. И
только тогда человек растягивается. То есть — крест растягивает человека.*

Я вяло согласился.

Кое-как разбросал по стенам большие холсты. Маленькие поставил на пол. Ведь самому интересно посмотреть на все это со стороны.

Помню, как увидел по-настоящему одну свою работу только в Шеметьево, когда таможенники попросили несчастного американца вернуть трехметровый рулон.

А я стоял за перегородкой и с расстояния отмечал про себя удачные и неудачные места.

Теперь, когда все собрано вместе и развешено, многое можно увидеть. Моя предыдущая выставка случилась в детском саду. Бывшем.

Старинный дом. Уютно. Светло. 2-й этаж. Во всю стену 6-метровый холст "И смерть убивает смерть".

Он и написан был здесь же, на полу.

Было живо. Толпа. Американка Эн Левит от галереи Мэри Бун.

Какие-то люди из швейцарского банка.

Много молодых концептуалистов.

Они потом и создали здесь свою группу "Детский сад".

Сейчас у Альвика все проходило спокойно.

Но вот является директор Бернского музея фон Тавель.

За ним, вернее, по его совету, богатый немец Ланг.

И покупает всё.

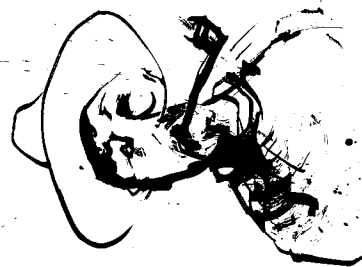
Всю выставку. Два зала.

И Хрущик вдруг перестает общаться. Молчит. О чем-то думает.

Я решил, что он хочет процент. Альвика заявила о проценте сразу. Через помощников.

Но всё не так.
Хрущика мучила другая идея.
Творческая.
Все та же — тема.
Своя тема и соответствующей ей размер.
Ни фон Тавеля, ни Ланга на свою экспозицию он не пригласил.
Маленькие стеклянные картинки.
Птички-рыбки. Для украшения.
Салон. Хоть и талантливо.
А внутренняя погенция огромна.
И силы еще есть (каких-то 45 лет).
Хрущик чувствовал нутром — срочно надо делать вывод.
Но озвучить эту мысль он не смог.
Не было сил. Просто молчал.
Я понял.
Его надо остерегаться.
Он опасен. Непредсказуем.
Все может.
Московский период Хрущик провел в одежде днем и ночью.
Ночью, потому что не спал.
А днем — был всегда готов ко всему, если и засыпал ненадолго.
Не помню, чтоб принимал ванну или душ.
Не то что Руслан Макоев.
(Тот отмывался в ванной часами, и однажды, выйдя, попросил всю

Как-то я спросил Хрущика — какого он мнения о фиолетовых тонах.

— Фиолетовый — это за-гадка, — ответил Хрущик, — а моя любимая пара — англий-ский красный и кобальт синий.

Я не помню, чтоб у Хрущика когда-нибудь была палитра.

оранжевую одежду, какая есть в доме. Ириш ему выдала все, что имелося. И перевела на английский бумагу для Раджнеша. Руслан оделся, взял бумагу, и больше мы его не видели.)

Была у Хрущика мастерская на Пушкинской. Как бы запасная. Секретная.

В центре полутемной комнаты на полу полудежал женский манекен. Весь в цветных драпировках.

Руки-ноги на шарнирах.

На голове и в нужном месте настоящие волосы. Или очень похожи на настоящие.

Помню в углу тумбочку.

Набита бутылками с вином.

Для гостей.

Рядом на мольберте маленькие портретики маслом.

Тремя мазками прекрасное лицо (жена Аркаши Л.). В разных вариантах.

Но ничего не закончено

Все сделано урывками.

Три мазка в три секунды.

Работать здесь было невозможно.

Атмосфера была отравлена манекеном.

Есть мастерские с очень плохой аурой.

Конечно, тип он был отвратный.

Невыносимый.

Один очень умный человек, написавший несколько книг из жизни замечательных людей (и художников тоже), так сказал о моем портрете Хруща:

— Это секретный китайский солдат.

Это было точное попадание.

Его восприятие Хруща совпало с моим, но я не смог определить это словом. Я нарисовал.

А он произнес ключевое слово — "секретный".

Для многих, если не для всех, Хрущик остался секретом.

Вот говорит, заикаясь, какие-то жаргонные словечки.

Хихикает театрално. Шепчет.

Смеется на публику.

Актер, конечно, гениальный.

Но что он там себе думает?

Где он?

Где он настоящий?

При всем том чувствуешь, что в голове у него совсем другое.

Какие-то варианты. Он далеко.

И где-то там строятся комбинации на всех уровнях. Как в его живописи.

Почему почти что все ему прощалось?

И на групповых фото художников он всегда в центре. Никогда где-нибудь на заднем плане. Или сбоку.

Попади он в тюрьму, я думаю, было бы то же самое. Сразу нашел бы общий язык. Сыграл.

Зеки почитали бы его своим.

Да они и считали, раз приходили на Чижикова.

Случайный человек, со стороны, глядя на Хрущика, думал:

— Что за непонятное создание?

— И откуда он такой взялся?

А вот ниоткуда.

Одесса родила.

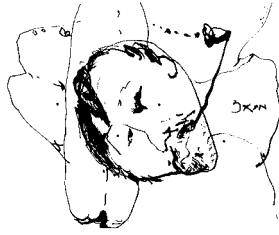
И где эта елка, на которую вешались эти игрушки?

И какая она? Его внутренняя концентрация.

Загадка. Как и все его работы.

*Кто-то сравнивал:
"Как воздушный шарик
на ниточке. Несешь — красиво.
Но отпустить нельзя — улетит".*

*Дети о нем:
"Хрущик — зверь златогри-
вый, по ночам ходит".*

Другой уровень восприятия действительности.
Другой опыт предельных жизней.
И все это чувствовалось нутром.

Хрущик один из редких художников, кто видел красивое в некрасивом.
Прекрасное в безобразном.
Во всем огромном диапазоне.
Так работал.
И так жил.

В Москве, в Беляево, был прекрасный выставочный зал. Высокий, просторный. Стены стеклянные. Всегда пустой.

Под ним бункер. Обычный. Бетонный. Коридоры, комнаты, туннели.
В бункере царил Хрущик.

Он был хозяином всех подземных лабиринтов.

И случись атомная атака, все посетители выставки, все любители прекрасного, могли спокойно спуститься под землю к Хрущу и пересидеть у него недельку.

В бункер приходили все.

Чаще ночью.

Днем хозяин спал.

Да и в бункере неясно — день или ночь.

Как под шляпой Хруща.

Бетонные стены. Пыточное освещение.

Работаем на ощупь.

Разговор Ж. Малахина
с моей матерью:

— Вот пишу книгу. О чем?
О том, что я ее писать не хочу.
Пишу о том, что пишется книги
не хочу, — и получается книга.

Так, внутренним зрением представляешь, что должно получиться. Вынесешь на дневной свет — и ахнешь. Состояние в бункере такое, будто завтра с утра должен принять яд. Тебя завернут в твои холсты и сожгут. В душе что-то дребезжало. Звенело. Поднявшись из бункера на поверхность, я решил писать "Царь-колокол".

В натуральную величину. Иначе не зазвонит. Диптих. Одна часть — колокол днем. Другая — ночью. Но из скелетной части колокола — яркий свет.

Только теперь мне понятно, что это была реакция на бункер.

Писал в выставочном зале, при дневном свете.

И там же, еще мокрые, выставил.

(11 сент. 88 г. открылась выставка "День Москвы". Хрущик решил не выставляться.)

9.4.99.

Время это...

Я припоминаю прошлое так, как будто его не было совсем, а я предугадываю будущее.

Так иногда кажется, когда вдруг начинаешь постигать глубину.

Иногда, когда вдруг.

А воздух — после дождя.

Явственно возник мираж мастерской, Солянка, Москва.

*"Мы жили в городе цвета
окаменевшей водки".*

И. Бродский

*Веду две жизни, как летаю-
щая рыба. Выскочил в другую
среду — и обратно под воду.
(У Жванецкого рыба ведет то-
же две жизни. Одну — в живом
виде. Другую — в копченом.)*

Когда бутылка пива — драгоценность. Как и банка с окурками. Ими я набивал трубку.

— Глохни, рыба, горя хапнешь, — возник голос из будущего.

Звезды были расположены так, что Чистые Пруды казались мутным вермутом. Они были размытыми и счастливыми.

— Праздник одуванчиков, — говорил мой покойный друг.

И чувствовалось Присутствие.

Вздохнул. Дождь.

Звезды расположены так, и все происходило так. Твоя задача — от-
даться этому.

Ты ребенок и понимаешь цветные пятна и линии, которые вне вре-
мени. И перед тобой река. За ней Русский Дом. А за спиной церковь,
мерцающая в зрачках.

Внутри тебя прокручивается исповедь.

Ты готовишься. Может, в последний раз.

Или первый. Это закрыто.

Взгляд скользит по воде, крестам, мелькающим фигурам.

А звезды (в их расположении) вверху.

.....

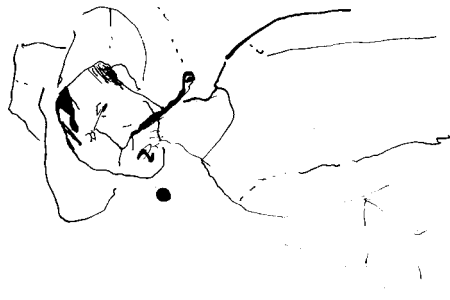
Помно непреднамеренное убийство мышонка.

В распахнутых дверях с трагическим лицом стоит Хрущик с мышон-
ком в руке.

Забивал какой-то щит.

Пробегал мышонок.

Рука сработала мгновенно.

Хрущик расстроился — он не успел даже подумать.
А точный глаз и точная рука опередили его.

Руку Хруща, его пальцы, надо было видеть во время работы.
Он держал кисть так, что если с нее и упадет капля, то точно в зрачок.

Дурдом на Левобережной. Москва (начало 80-х). Курилка. Окна
и лампы в сетках.

В центре — ведро. Туда плевали и сбрасывали окурки.

Все делились на "аликов" и "пуриков" — алкоголиков и пиздофренников.

Старая гармонь с инкрустацией перламутром и костью.

Все тихо слушают.

Алик поет: "Ты будешь уркам клей варить сапожный, а я — шнурка-
ми на базаре торговать".

Его глаза смотрят сквозь ведро с плевками.

Другой Алик, совсем юный, со слезами:

— Я скорее хочу вернуться. У меня на столе осталась неоконченная
бутылка портвейна.

Я тоже хотел вернуться.

Меня ждала неоконченная мозаика.

Вот и сейчас из разных кусочков-камешков пытаюсь что-то соста-
вить. Кусочки все малозначущие. Но вместе могут что-то выстроить.

Какую-то сумму.

Не так важны сами детали, пустяковые случаи нашей жизни, вся мо-

висел-болтался

*и не находил
себе места*

и улыбался-кланялся

*и танцевал
со смертными*

*и ждал
пока не умер*

*и вспорхнул
когда родился*

*"Сумма нулей — страшная
величина".*

Е. Лец

заичная дребедень. Но они — та атмосфера. Которой уже нет. Тот воздух, на котором все держится.

"Главное не узор, а воздух, на котором он держится".

О. Мандельштам

Позвонил Шура Ануфриев из какого-то штата Америки.

— Когда я видел в последний раз Хруща, он был мягкий-мягкий, — такой, как в детстве. Тогда он Риту называл — "т-т-тетя Рита" (это потом уже — Р-Ритуха).

Позже он стал жестким, очень жестким. Но я его увидел мягким — наверное, он уже знал, что болен.

Потом Шура сказал:

— Хрущик — это маленький Сычик. Так похожи.

Интересное сравнение, но поверхностное.

На самом деле Сычев — это маленький Хрущик (несмотря на свой рост и вес).

Если их сравнить по количеству таланта и свободы.

Сто двенадцать мгновений Хруща.

Конечно, каждый видел его разного.

По-разному.

У каждого — свой Хрущик.

Неуловимый. Ежесекундно меняющийся.

Вот он говорит: "Нишак", — а вот — "Голдяк".

"Дашенька (засытая под сирену "скорой помощи"):

— Папа, а звук воздуха уплотняется? А цвет?

Только неправильные (поверхностные) вопросы имеют ответ.

Правильные (глубочайшие) вопросы не имеют ответа.

Кришнамурти

Время
покажет место
не здесь
и не сейчас

Хихикает. Заикается. Молчит.
Смеется декоративно.
Жокей. Торсадор. Целует ручки.
Оборванец. Бомж. Дамский угодник.
Антиквар. Старьевщик. Печник.
Эстет. Неуч-тонкач. Лентяй-трусеник.
Нищий. Матерщинник. Обманщик.
Без царя в голове. Божий человек.
Изошренно-уточенный. Звериное чутье.
Хам. Пижон. Вор и подонок. Гений.
Птица свободного падения.
И взлета.

— "Я потерял в жизни много, а главное — здоровье", — не раз говорил Хрущик, — рассказывал мне по телефону незнакомый женский голос.
— Ночь на 24 октября спал спокойно. В 8 часов открыл глаза.
Сказал: "Доброе утро", — и умер.

Любимая тема Хруща это рыбки.
Он написал и вырезал из дерева их множество.
Я никогда не рисовал рыбок.
Как-то через год после смерти Хрущика прокрывал золотом небольшую рельефную плоскость.
Внизу появилась рыбаь воды.
А из каких-то затенов выпрыгнула из воды рыбака.

*Д. Шостакович терпеть не мог ноту фисис (фа дубль диез).
Особенно в 5-1 симфонии
П.И. Чайковского.
"Не выношу", — говорил Шостакович.*

Я только чуть-чуть помог ей.
Золотая рыбка в золотом небе.
Ее полет описывал омегу.

"Что ты рисуешь лошадь?
Нарисуй хвост — что, тоже не можешь?"

Вот я пытаюсь изобразить художника.
Но не могу даже и его шляпу.
Прости.

М. Врубель

Р. С.

В те годы мы жили и работали, "как на корабле во время потопы — писать и закупоривать в бутылку.
Потом прочтут".
А пустых бутылок у нас было много.

Ловля Хруща

Когда Хрущик был совсем маленький и передвигался на колесах, к нему подлетел Ангел и протянул карандаши.

— Б-бабушка, — тоненько засмеялся Хрущик и уснул.

Как можно поймать Хруща?

Какие сети расставить?

Из каких линий, пятен, мазков?

Проведешь две линии — и он между них ускользывает.

Наносишь пятно — и он сквозь него просачивается.

Делаешь мазок — и он за ним исчезает.

Что такое Хрущик — его каждый видел по-своему.

Может быть, такой, а может такой.

Если же проследить за процессом выявления неповторимого образа Хруща, то быстрее видишь, кем он не был, чем кем он был.

Он изменчив

ни застенчивый, ни наглый

ни ударник труда, ни лентяй

не любимчик союза и фонда

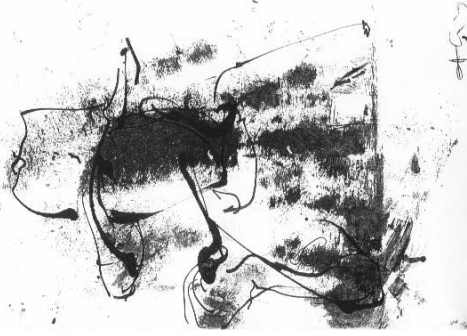
не пижон, не шантрапа

вчера он стар — сегодня молод

ни весёло-грустно-задумчивый

разве можно просчитать его алгеброй?

может — так? но — нет

при приближении присматривается
но это не то.
шляпа отдельно не имеет смысла
всё не то, не то.
можно зачеркнуть.
не получилось
его не поймать.
подведем черту

Рисунки Владимира НАУМИЦА